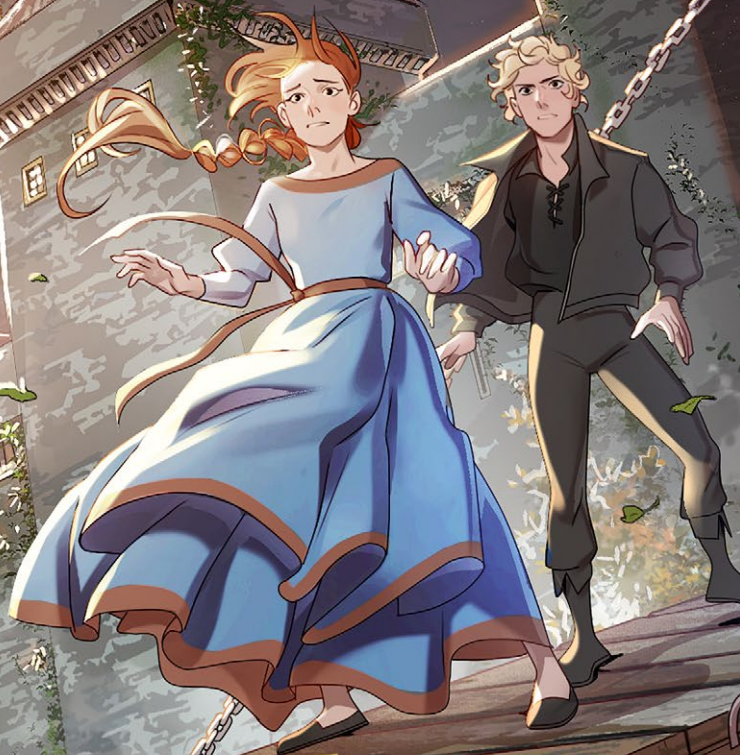

Наталья Способина

ИСТИННОЕ ВОЛШЕБСТВО

Дар Кошеля

Young
Adult

МИОО

ПРОЛОГ

В ЛЕСУ

— Проснись, дитя, — слышит она чей-то голос, и прохладная рука касается ее лба.

Распахнув глаза, Ева видит перед собой человека в черном плаще. В лесу сумрачно, и она не может разглядеть его лицо, но почему-то отчетливо различает глаза, а еще у него очень странный голос.

— Вставай. Скоро ночь, а людям в этом лесу ночью не место.

Ева послушно встает и позволяет взять себя за руку. Она бросилась за сбежавшим в лес Чопиком — их маленьким щенком. Но мало того, что Чопика не нашла, так еще и сама заблудилась. Она бродила по лесу долго. Так долго, что проголодалась и очень устала. Поев ягод с большого куста, она еще немножечко побродила, а потом совсем обессилела, прилегла на мягкий мох и, кажется, уснула. Наверное, она так бы и проспала всю ночь, если бы ее не нашел этот человек в черном плаще.

Человек молча ведет ее по тропинке, и Ева послушно идет за ним. Она знает, что говорить с незнакомцами,

а уж тем более куда-то с ними ходить ни в коем случае нельзя. Но почему-то ей совсем не страшно.

— Это волчья ягода, — вдруг говорит незнакомец, указывая на куст у тропинки, с которого Ева срывает ягоды. — Запомни: ее нельзя есть.

Ева торопливо кивает, чувствуя стыд. Она знала о волчьей ягоде — мама с папой о ней рассказывали. Но все равно, проголодавшись, попробовала. Совсем чуть-чуть. Но больше не будет. Честно-честно.

Она готова оправдываться, но человек больше ничего не говорит. Просто тянет ее за собой по тропинке.

— Е-ва-а! — доносится откуда-то издалека. — Е-е-ва-а!

Человек в черном плаще останавливается и, повернувшись к ней, присаживается на корточки. Теперь их лица на одном уровне, но Ева по-прежнему почему-то видит только его глаза.

— Тебя ищут. Не уходи больше одна и помни про волчью ягоду.

Ева торопливо кивает. Ей не терпится побежать к родителям. Среди хора зовущих ее голосов она отчетливо слышит мамин.

Человек в плаще едва заметно улыбается и кладет руку ей на макушку. Мир вокруг будто исчезает. Остаются только его глаза — темные-темные.

— Никто никогда не одержит власть над твоим разумом. На всякий свой вопрос получишь ты ответ, в котором будет только правда, и всяк, кто будет нужен тебе, придет на твой зов, — негромко говорит человек.

Пока он говорит, Ева не помнит о маме, не помнит о том, зачем убежала в лес... Будто все остальное становится неважным.

— Беги, дитя, — вновь улыбается человек в плаще, убирая руку с ее головы.

Когда он встает, его плащ на миг распахивается, и на фоне черных одежд Ева видит блеск настоящего меча, висящего на его поясе. В рукояти меча осколком закатного солнца ярко горит алый камень.

— Беги, — повторяет человек, и Ева бежит на голоса.

По пути она вспоминает, что так и не сказала спасибо, но на тропинке позади нее уже никого нет. Лес вдруг кажется совсем темным и зловещим, и Ева мчится со всех ног, мечтая об одном: поскорее обнять маму.

Ее встречает не мама, а мужчина в оранжевом жилете и с фонариком в руке.

— Нашел, — говорит он в рацию, висящую на груди, и подхватывает Еву на руки. — Жива. В сознании.

Мужчина выносит ее из леса навстречу маме, папе и незнакомым людям, которые вели поиски почти восемь часов. Ева хочет рассказать о человеке в плаще, но почему-то молчит. Ее везут в больницу и почти не ругают, а у нее появляется самая главная тайна в жизни.

ГЛАВА 1

В ШАГЕ ОТ МЕЧТЫ

— Завтра приеду, как и договаривались. Родители не в курсе.

— Спасибо! Спасибо! Ты самый лучший брат на свете! — Ева подпрыгнула от радости.

Она бы и в ладоши захлопала, но одной рукой ей приходилось прикрывать правое ухо, чтобы хоть что-то расслышать в шуме школьного коридора, а второй — прижимать телефон к левому уху. Илья не мог говорить громко, потому что сидел в поезде. А в поезде он сидел именно потому, что был самым лучшим братом на свете. Официально. Ну кто еще согласился бы на такую авантюру: сказать родителям, что забирает ее на пару недель к себе в Сочи, хотя на самом деле она еще полгода назад подала заявку в летнюю подготовительную школу при Российской академии волшебства (РАВ), после которой у нее был шанс попасть в самую волшебную школу и стать наконец настоящей волшебницей?

Одним из условий приема в летнюю школу было согласие родителей. Поэтому, оставляя на сайте

академии заявку, Ева была уверена, что ничего не выгорит: мама ни за что на свете не одобрила бы эту затею и папа здесь был не помощник. Как Илье удалось решить вопрос с нотариально заверенным согласием, Ева не знала, но три дня назад ей на почту пришло письмо с информацией о зачислении в школу.

Еще не веря до конца в происходящее, Ева вернулась в класс. Урок уже начался, но в последний учебный день это, понятное дело, никого не волновало. Завтра должен был прозвенеть последний звонок, и этому событию было посвящено процентов девяносто всех разговоров в классе. Оставшиеся десять приходились на вялые попытки кого-нибудь из ботанов выяснить, какой профиль кто выбирает в следующем году.

Еву о планах никто не спрашивал по банальнейшей причине: Ева Громова в своем восьмом «В» была пустым местом. Эдаким призраком, который проявлялся для окружающих, если у кого-то из них возникало желание поприкалываться. Почему? Вряд ли кто-то мог бы ответить на этот вопрос. Ну разве для чьих-либо жестокости и тупости когда-то нужна была причина? Просто все знали, что Громова помешана на волшебстве, и этого было достаточно.

Впрочем, сегодня Еву это не волновало: уже послезавтра она прикоснется к миру, о котором мечтала всю свою жизнь.

— Ты чего такая довольная? — спросила Арина, с которой Ева сидела за одной партой с первого класса.

Они не были подругами, но Арина относилась к той породе людей, которым не нравилось унижать других.

Ева заняла свое место и после секундного раздумья решила поделиться с ней радостью. Арина не станет смеяться. А Еву точно разорвет от счастья, если она будет держать все в себе.

— Я еду в летнюю подготовительную школу при РАВ! И если все выгорит, вообще туда переведусь! — понизив голос, сказала Ева и сцепила дрожащие пальцы в замок.

— Ку-да ты едешь? — протянул, чуть повернувшись, Костик Фёдоров, сидевший перед Евой, и та замерла. Делать эту новость достоянием общественности она не планировала. — Серьезно? В школу при РАВ?

— Тебе-то что? — пожала плечами Ева.

Арина бросила Костику:

— Не с тобой разговаривают.

Но Костика это ожидаемо не остановило. Кто же упустит такой повод поржать? Вскочив с места, он громко объявил:

— Прикиньте, Громова едет в летнюю школу при РАВ!

Ева демонстративно закатила глаза, хотя у самой сердце ушло в пятки. Она не умела давать отпор. Каждая такая стычка заканчивалась ее слезами. Нет, при всех она держалась, огрызалась, а потом тихо-нечко редела в своей комнате.

Золотарёва Жанна — главная звезда класса — отреагировала первой. Ей было положено по статусу. Именно Золотарёва определяла настроение дня в восьмом «В». И как правило, тем, кого она на сегодня назначала мишенью, это настроение не нравилось.

— Не, ну то, что Громова со своим волшебством двинется окончательно, было, конечно, ожидаемо, — лениво протянула Золотарёва, глядя на Еву.

В классе раздались смешки.

Арина, сидевшая рядом с Евой, покраснела и открыла было рот, но Ева сжала ее ладонь под партой, прося не вмешиваться. Ева, возможно, уйдет отсюда и больше никого из них не увидит, а Арине здесь еще учиться три года.

— Ну а куда ей еще, кроме волшебного класса? — заметила Вика Моросова, лучшая подружка Жанны. — Как там? Не осилил учебники, иди в волшебники.

Смешки перешли в хохот.

— Блин, прикиньте, Громова как вернется из этой своей летней школы, как найдет на всех нас порчу, — заржал Костик.

В принципе, Ева была бы не против уметь это делать, чтобы остановить поток их бессмысленных шуток. Самое паршивое заключалось в том, что они не видели проблемы в своих издевательствах. Они ведь никогда не бывали теми, над кем насмеваются.

— Не, она же у нас волшебница. Она к нам уже не вернется, — с притворным сожалением произнесла Золотарёва и добавила: — Нужно устроить проводы Громовой в последний путь.

— Венок закажем, — подхватил Костик, а потом повернулся к Еве и совсем миролюбиво спросил: — Ну зачем тебе волшебство, Ев?

Ева знала, что на вопрос не нужно вестись — за этим последует новый виток насмешек. Но этот почти нормальный тон, обращение по имени и то,

что Костик к ней повернулся, заставили ее ответить. Она, дуручка, каждый раз еще надеялась, что случится чудо и они наконец поймут, что ведут себя как идиоты.

— Мне просто нравится волшебство, — сказала она, покосившись на спину Женьки Жарова, который не спешил присоединяться к общему веселью. Он даже не обернулся — так и продолжал рисовать какую-то ерунду на доске: то ли смерть в балахоне, то ли всадников апокалипсиса.

— Это не лечится, — вынес вердикт Костик.

У Евы было гадко на душе. Отчасти от того, что в чем-то они были правы: грезить волшебством в наше время было как пользоваться кнопочным телефоном — удел совсем уж старых людей, которые никак не могли приспособиться к новой жизни.

Волшебство не просто вышло из моды, оно высмеивалось и критиковалось. Волшебные должности упразднились. И если раньше из каждого утюга говорили о том, что использование волшебства в повседневной жизни неоправданно, потому что затраты волшебника несопоставимы с мизерным результатом, то вскоре о волшебстве перестали упоминать вовсе. Оно вроде бы еще существовало, но никому не приходило в голову им пользоваться. В школах пропали волшебные классы, люди разучились колдовать. В битве за умы людей волшебство вчистую проиграло науке.

Вот только Ева мечтала о том дне, когда оно вернется в их мир и вновь займет свое законное место. Однажды ей попался тред о том, что волшебство ушло в тень не просто так, что за масштабной кампанией,

призванной предать волшебство забвению, кто-то стоит. Возможно, Ева была слишком наивной, но она верила: то, что один человек может разрушить, другой непременно сможет восстановить. У нее была цель. И для этого ей нужно было во что бы то ни стало стать настоящей волшебницей.

— Короче, скидываемся на венок, — решил Костик и, встав со своего места, сделал вид, что лезет в карман за деньгами.

— Захлопнись! — неожиданно сказал Жаров, не отвлекаясь от рисования на доске.

Костик нахмурился и сел на свое место, а Жаров наконец отложил мел и, повернувшись, посмотрел прямо на Еву.

Ева внутренне подобралась. Никто никогда не знал, чего ожидать от Жарова. На тех, кто с ним близко не сталкивался, он производил вполне приятное впечатление. Например, Евина мама считала, что он милый и вежливый мальчик. Жаров действительно с виду был милым: голубоглазым, с русыми кудрями. Сущий ангелочек. Но правда заключалась в том, что утром он мог переводить бабушек через дорогу, а после обеда раздобыть где-то строительную пену и запенить ею замочные скважины в паре десятков кабинетов. Просто так.

А еще он мог вроде бы вписаться за тебя, а потом сделать что-нибудь такое, что предыдущие разборки покажутся детским лепетом. Так однажды пару лет назад он отобрал Евин рюкзак у того же Костика, который как раз собирался вытряхнуть его содержимое на землю и зачитать всем ее личный дневник: учительница психологии обязала весь класс

записывать мысли, посещающие в течение дня. Ева, понятное дело, не горела желанием делиться своими переживаниями с одноклассниками, поэтому успела испытать облегчение и благодарность к Жарову, который просто проходил мимо и решил вмешаться. Вот только длилась ее радость минуты полторы, потому что Жаров зашвырнул ее рюкзак в ближайшую лужу и пошел дальше как ни в чем не бывало. А Еве пришлось под всеобщий хохот вылавливать промокший рюкзак из мутной воды. Дневник тогда тоже промок — и часть записей потекла. Ева получила двойку за практическую работу по психологии и очередной повод для «любви» к одноклассникам.

И сейчас она напряженно следила за Женькой, не зная, чего ждать. Однако тот, перестав наконец на нее пялиться, направился к окну и, бесцеремонно сдвинув в сторону чахлую герань, уселся на подоконник спиной к открытой створке. Он по-прежнему ничего не говорил, и это было странно.

— Жаров, ну-ка слезь немедленно! — раздался от двери голос учительницы математики. — С ума сошел? Четвертый этаж.

— Да не волнуйтесь, Елена Иванна, я левитировать умею.

Жаров закинул ногу на ногу и, придерживаясь за раму, отклонился назад.

— Слезай сейчас же, левитатор! — закричала Елена Ивановна, и кто-то из девчонок взвизгнул.

У Евы тоже екнуло в груди, потому что она никогда не могла понять причины выходок Жарова и границы, которые он готов переступить.

— Ну правда умею. Показать?